

К.Г. Исупов

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Русский Христос

Вторая Ипостась, Сын Божий, Богочеловек, Логос осмысляется на Руси в сложном контексте 1) автохтонного язычества; 2) православной святоотеческой традиции (вочеловечившаяся Мировая Красота и Свет мира); 2) свойств русского характера. Тенденции христоцентризма предшествовал культ Богородицы в аспектах мифологемы «Мать-Сыра-Земля». Женственный аспект Троицы не исчез с растворением язычества в христианстве, Богородица слилась с Софией, что послужило оправданием для гностической попытки «дочерней» трактовки Третьего Лица (Н. Федоров). В опыте почвенного переживания вероисповедных святых оформились креолизованные формы сакрального пантеона: в одном ряду оказались святитель Николай, пророк Илия, св. Георгий Победоносец, Флор и Лавр, Власий (Волос / Велес), Параскева-Пятница и Анастасия, Перун и Мокошь. Контексты женственности и благоутробия не вытеснены в русской вере на периферию, они сохранились в народной поэзии и тогда, когда, «при потускнении троичного сознания понимание Христа <...> приближается <...> к монархианству» (Федотов Г. П. Стихи духовные. М., 1991. С. 33). В почитании Богородицы – Матушки и Заступницы, Родительницы мира подчеркнута не Ее девственность, а материнство. Почти неотличимая от Бога-Вседержителя, Она вся – в заботах о дольнем человеке. Богородица – подлинное Сердце Мира, но этот Ее абстрактно-космогонический статус не отменяет живой конкретности Её Лица, обращенного к обыденному миру всей чревной теплотой сочувствия и нежной приязни (см. иконический канон «умиления»). Вслед за Ф. Булаевым В. Розанов отметил, что «в наиболее строгие эпохи Лик Божией Матери

отступал, и на первое место почти испуганного воображения выступал Иисус Христос» («Случай в деревне», 1900). Тип Спасителя, выработанный византийской иконографией не позднее IV в., на Руси установился в образе сурового Спаса Пантократора и Судии мира (икона Спаса XV в. в Успенском соборе). Усиление христоцентрической тенденции имело две стороны: а) завышается нравственно-юридический смысл теологем «Страх Божий» и «Deus irae», что спровоцировано успехом в России протестантских доктрин и ересей «голубино толка» (их отражение см. в романе А. Белого «Серебряный Голубь», 1910; сб. А. Радловой «Крылатый гость», 1922; «Богородицын Корабль», 1923), а также активизировало богословие спасения (*Архив. Сергей <Страгородский>*). Православное учение о спасении. Казань, 1898); б) «подражание Христу» стало трактоваться как поиск последнего идеального «нового человека», взыскующего в дольнем мире Новой земли и Нового неба, а наследно-отеческий «мир», в свою очередь, был принят как безысходный и благодатный вместе, коль скоро всю эту сирую и убогую землю «Царь Небесный исходил, благословляя» (Ф. Тютчев). В Христе усилены аспекты страдания, причем высокий и неотмирный смысл Голгофы напрямую соотнесен с мирской мукой и повседневными тяготами жизни. По П. Флоренскому: «<...> Русский народ <...> живет с Христом страдающим, а не с воскресшим и преобразенным <...> Это русский Христос, такой близкий к скудному русскому пейзажу <...> Это – Христос – друг грешников, убогих, немощных, сирых духом» («Православие», 1909). Переживая личного Христа в страдании как испытующе-страстным претерпевании плоти, русская вера не те-

* Продолжение. Начало в №№ 1'06, 1–4'07, 1–4'08, 1–4'09, 1–3'10.

ряет в Его образе черт национального Предстоятеля и Промыслителя «русского пути». Эти акценты составили содержание представления о «Русском Боге» (выражение датируется в предании репликой Мамая по поражении его в Куликовской битве: «Силен Русский Бог!»); см. патетическую огласовку этой темы у Державина («... Языки, царствуйте! Велик Российский Бог!»), Н. Языкова («Не нашим», 1844) и ироническое – у А. Пушкина («...Барклай, зима, иль Русский Бог?») и П. Вяземского («Русский Бог», 1828). Христология Серебряного века пыталась усилить персоналистские акценты: М. Тареев создал трактат «Самосознание Христа», С. Трубецкой в диссертации «Учение о Логосе в его истории» (1900) писал, что двуединая природа Христа осмысляет себя в духовном содружестве Троицы: «Единственное в своем роде нераздельное соединение *личного самосознания с Богосознанием* в лице Иисуса Христа» (Трубецкой С. Н. Соч. М., 1994. С. 459; курсив автора); С. Булгаков, назвавший свою книгу 1917 г. одним из имен Христа («Свет Невечерний»), отстаивал ту мысль, что «интимная и существенная близость Христа человечеству» позволяет понять Его мир не только как «ризу Божества или космос» (позиция «панхристизма»), но и как «мир сей» в перспективе катастрофического перелома и апокалипсиса спасения; Н. Бердяев отстаивал позицию антропоцентричности христианства («Философия свободного духа», 1928; «О назначении человека», 1931). Симптоматична попытка поставить проблему национальных обликов Христа: «Славянофильское выражение “русский Христос” можно понимать <...> в смысле констатирования того факта, что разные народности, как реально различные между собою, каждая по-своему воспринимает Христа и изменяется от этого приятия. В этом смысле можно говорить (вполне без тени и без всякого кощунства) не только о русском Христе, но и о греческом, об итальянском, о германском, так же как и о национальных святых. <...> Нам, русским, ближе и доступнее именно наш русский Христос, Христос преп. Серафима и преп. Сергия, нежели Христос Бернарда Клервоского, или Христос Екатерины Сиенской, или даже Франциска Ассизского» (Булгаков С. Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 342). Тем не менее, на фоне споров Серебряного века об «историческом христианстве», религиозная мысль робеет перед Христовым Ли-

ком, предпочитая или опыт полуязыческой эмпатии (В. Розанов. «Об Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», 1907; ср. выражения Н. Бердяева – «Христос и мир», 1907), или беллетризованные реконструкции Его земной судьбы (Д. Мережковский. Иисус Неизвестный, 1932–4). Симптоматичен для эпохи общий упрек, адресованный П. Флоренскому как автору труда «Столп и утверждение Истины» (1914): «почему в книге не нашлось место для главы о Христе?» С тем большим воодушевлением осваивала образ РХ изящная словесность; от псалмопевческих переложений она перешла в XIX–XX вв. к поэтической христологии (пушкинский замысел драмы «Христос»; Плещеев, Некрасов, Надсон). Если карающий Бог «Анны Карениной» (1873–7) Л. Толстого отчетливо проясняет ветхозаветные черты, то Достоевский остался на позиции евангельского РХ – глашатая религии любви («князь-Христос» в «Идиоте», 1868; ср. «Мальчик у Христа на елке» и «Кроткая» <1876>, «Легенда о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» <1879–1880>). Мистикой сердечного сочувствия страстям Христовым живет герой-праведник «Однотума» (1879; ср. «На краю света», 1875–1876) Н. Лескова и пафосом милосердия – герои тургеневской новеллы «Милостыня». Со ссылкой на рассказ Лескова «На краю света» Лу Андреас Саломе говорит о своем общении с Рильке восприятии русской исторической судьбы: «Уделом, судьбой этого народа был “Бог”. Не небесный вседержитель, облегчающий тяготы жизни, а ближайший покровитель, оберегающий от окончательной гибели — русский Бог Лескова, обретающийся “за пазухой”» (Иностранная литература, 2001. № 2. С. 201; выражение неверно переведено как в «левой подмышке». В рассказе Н. Лескова «На краю света», 1875: «...Я более всех представлений о божестве люблю этого нашего *русского Бога*, который творит себе обитель “за пазушкой”»; выделено автором). На рубеже веков возникают философско-эстетические транскрипции категории поступка применительно к Священной истории: переоценка поведения Иуды в «Иуде Искариотском» (1907) Л. Андреева (ср. Булгаков С. Апостол-предатель) и Антихриста (В. Свенцицкий; М. Булгаков). В новокрестьянской поэзии воскрешены мотивы «мужицкого Христа» (Н. Клюев, С. Есенин), а в опусах символистского толка развернут Апокалипсис Второго пришествия (ранние «Симфонии» А. Белого;

«Эсхатологическая мозаика» П. Флоренского; лирика Ф. Сологуба, Д. Мережковского, З. Гиппиус, М. Волошина); особую мифологию «экуменического» РХ создал В. Хлебников; эсхатологическая концепция Мессии предъявлена в «Розе Мира» (1950–е гг.) Д. Андреева. Амбивалентный характер русского человека выразил себя в образах черта, соблазненного светом Христовой Истины (от галлюцинаторного собеседника Ивана Карамазова до героя романа В. В. Орлова «Альтист Данилов», 1980). Показателен путь Блока от РХ –

«женственного призрака» к РХ мужицкому и, наконец, к «Христу = Антихристу» в поэме «Двенадцать» (1918). Богочеловеческая тема нашла себя в идеологии пролетарской культуры (А. Платонов: «Христос и мы», 1920; «О нашей религии», «Новое Евангелие»), и в движении «богостроительства». Христоцентричное сознание XX в. пытается сохранить образ Спасителя в возможной полноте православного мирочувствия (С. Аскольдов, И. Ильин, Б. Зайцев, Е. Кузьмина-Караваева; Б. Пастернак, И. Шмелев, Т. Горичева).

Тексты и исследования: Александр (Светланов), еп. Иисус Христос по Евангелиям. М., 1891–1894. Т. 1–4; Александров Б. М. Единство образа по Апокалипсису, посланиям св. апостола Павла и Евангелиям. Париж, 1964; Антоний (Храповицкий) Сын Человеческий: Опыт истолкования // Богословский вестник, 1903. № 11; Апокрифические сказания о Христе. СПб., 1912–1914. Т. 1–4; Аскольдов С. А. Четыре разговора. Мысленный образ Христа / Публ. А. В. Лаврова // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 483–508; Богословский М. Детство Господа нашего Иисуса Христа и его Предтечи. Казань, 1893; Булгаков С.Н. 1) О Богочеловечестве. Агнец Божий. Париж, 1933; М., 2000; 2) Восхождение ко Христу // Вестник РХД. 1971. № 100 С. 31–33; Буткевич Т., прот. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Харьков, 1887; Волинский А. Л. Четыре Евангелия. Пг., 1923; Духовная поэзия. Воронеж, 1990; Древнерусские апокрифы. СПб., 1999; Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994; Есаулов И. Христоцентризм // Идеи в России. Словарь. Варшава–Лодзь, 1999. Т. 2 С. 380–382; Земная жизнь Иисуса Христа в изысканной литературе, живописи и скульптуре. СПб., 1912; Кареев А. В. Образ Христа в Новом Завете // Богословский вестник, 1969, № 1; Кассиан (Безобразов). Христос и первое христианское поколение. Париж, 1950; Карпов Н. В. Антирелигиозная трактовка образа Христа в русской демократической поэзии XIX в. // Русская поэзия XVIII–XIX вв. (Жанровые особенности. Мотивы. Образы. Язык). Куйбышев, 1986; Касаткина Т. А. «Христос вне истины» в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. СПб., 1998. Вып. 11. С. 113–120; Кириллова И. А. Литературное воплощение образа Христа // Вопросы литературы. 1991, № 8. С. 60–88; Книжников А. С. Об историчности личности Христа. Париж. 1963; Кондаков Н. П. Лицевой иконописный подлинник. Т. 1. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905; Котельников В. Христодияца Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. СПб., 1998. Вып. 11. С. 30–28; Кронштадский Иоанн. Христианская философия. М., 1992; Лопухин А. П. Библейская история в свете новейших исследований и открытий. Новый Завет. СПб., 1895; Матвеевский П. Евангельская история о Боге-Слове. СПб, 1912; Мелиоранский Б. Христос // Энци. Слов. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 37; Мень А. Сын Человеческий. Брюссель, 1983. 3–е изд. (библ.); Михаил (Семенов), архим. В поисках лика Христова. СПб., 1905; Молитва поэта. Антология / Сост., вступ. ст., комм. В. А. Сапогова. Псков, 1999; Муретов Д. Ренан и его «Жизнь Иисуса» // Странник, СПб. Февраль 1907 – декабрь 1908. С. 409–419; Немеркнущий свет: Евангельские мотивы в русской поэзии. СПб., 2004; Никольский Н. М. Иисус и ранние христианские общины. М., 1918; Орда Х. М. (еп. Ириней). Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1882; Поснов М.Э. Личность основателя Христианской Церкви. Киев, 1910; Православие и русская народная культура. М., 1993–1994. Т. 1–3; Преображенский А. С. История земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1873; Путь Христов. Сб. статей. СПб., 1903; Рейсер С. А. «Русский бог» // Известия ОЛЯ АН СССР, 1961. Т. 20. Вып. 1. С. 64–69; Роман, иером. Стихи покаянные. Новгород, 1992; Сборник духовной поэзии / Сост. И. Беркута. Воронеж, 1990; Семенова С. «Всю ночь читал я Твой Завет...» Образ Христа в современном романе // Новый мир. 1989. № 1; Соколов Д., свящ. Искупитель рода Человеческого Господь Иисус Христос. Истор. очерк. СПб., 1863; Соколов Д., свящ. Искупитель рода Человеческого Господь Иисус Христос. Истор. очерк. СПб., 1863; Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1994. Т. 11; Тихонравов Н. С. Апокрифические сказания. СПб., 1894; Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 155–160; Турчанинов П. Беседы о личности Иисуса Христа. Харьков, 1914; Флоровский Г.В. Жил ли Христос? Исторические свидетельства о Христе. Париж, 1929 (М., 1991); Хвольсон Д.А. Возражения против ложного мнения, будто Иисус Христос в действительности не жил. СПб., 1911; Христианство и русская литература / Ред. В. Котельников. СПб., 1998–2002. Вып. 1–4.